

Кто открыл путь России в Центральную Азию? Ответ очевиден: первопреходцы – мужественные путешественники: П. П. Семёнов-Тян-Шанский, Н. М. Пржевальский, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. А. Роборовский, Н. А. Северцев, А. П. Федченко и другие.

Особое место среди этих замечательных подвижников занимает Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский, 190-летие которого мы отмечаем в этом году. Необычайно широк спектр его научной, государственной и общественной деятельности. Он был вице-председателем Императорского Русского географического общества, президентом Русского энтомологического общества, почётным членом Императорской Академии наук и Академии художеств, сенатором, членом Государственного совета, действительным членом всех российских и многих зарубежных университетов. Его заслуги были отмечены около сорока отечественными и зарубежными орденами, медалями и знаками отличия.

Родился будущий путешественник в семье отставного капитана лейб-гвардии Измайловского полка Петра Николаевича Семёнова (1791–1832) в поместье Рязанка (ныне Чаплыгинский район Липецкой области). До 15 лет воспитывался в деревне, развиваясь самостоятельно с помощью книг семейной библиотеки. С 15 до 18 лет Пётр учился в военной школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Во время школьной учёбы он увлекался естественными науками. Окончив военную школу, отказался от военной карьеры и поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет по отделу естественных наук. В 1851 году Пётр Семёнов защитил магистерскую диссертацию по ботанике.

Юношеские годы Петра Семёнова совпали со знаменательным событием в истории русской географической науки. **В 1845 году было основано Русское географическое общество.** К числу его основателей принадлежали такие крупные географы, как К. И. Арсеньев, Ф. П. Литке, И. Ф. Крузенштерн, К. М. Бэр, А. И. Лёвшин. В 1849 году в члены общества был избран молодой Пётр Семёнов. С 1853-го по 1855 год в Берлинском университете он слушал лекции Риттера и Дове, много занимался геологией как слушатель Бейриха

и Розе и как помощник Бейриха в его летних работах по геоэкономическим съёмкам. В 1852 году Пётр Семёнов путешествовал пешком по Швейцарии в Бернских Альпах и на озёрах: Тунском, Бриенцком и Фирвальдштетском. В 1854 году пешком, без проводника, прошёл горные проходы, ведущие в Италию. Наблюдал извержение Везувия, на который ещё до этого совершил 17 восхождений.

Особое место в географической деятельности Петра Семёнова занимают 1856–1857 годы. Это годы его знаменитого путешествия в Тянь-Шань, положившего начало последующим экспедициям в Среднюю и Центральную Азию русских путешественников-географов во второй половине XIX века.

Сведения о Тянь-Шане (Небесных горах), которыми располагала европейская географическая наука к середине XIX века, хорошо охарактеризованы русским учёным географом и зоологом, путешественником Г. Е. Грум-Гржимайло (1860–1936): *“К пятидесятым годам прошлого столетия всю сумму европейских сведений о Небесном хребте китайцев давала риттерова Азия, а наглядно – карты д’Анвилля в позднейшей переработке Клапрота. Эти знания если не равнялись нулю, то были ничтожны...”*

Путешествие в Среднюю Азию было давней, заветной мечтой Петра Семёнова. Однако в России обстановка была такова, что, по словам путешественника, *“сообщить кому бы то ни было о моей твёрдой решимости проникнуть туда было бы с моей стороны крупной ошибкой, так как такое намерение встретило бы сильное противодействие со стороны Министерства иностранных дел, ревниво оберегавшего азиатские страны, лежащие за русскими пределами”*.

И всё-таки, при поддержке своих коллег по Русскому Географическому обществу, весной 1856 года Семёнов снарядил экспедицию и выехал в сторону Алтая. В Сибири Пётр Семёнов делает интересные социальные выводы. Крестьяне-старожилы Сибири, выросшие и развивавшиеся на её просторах, не знавшие крепостной зависимости, имели иной менталитет и более высокий уровень жизни, нежели крестьяне Центральной России. Вот как он пишет об этом: *“Избы крестьян южных уездов Тобольской губернии поражали меня своим простором по сравнению с тесными курными избами крестьян чернозёмных великорусских губерний: обыкновенно они имели шесть окон на улицу, а иногда и до двенадцати, крыты были тёсом, а иногда были построены в два этажа. Попадались и кирпичные крестьянские дома, крытые железом. Пища крестьян была необыкновенно обильна. В самых простых крестьянских избах я находил три и четыре кушанья. Мясная пища состояла из говядины и телятины, домашней птицы и дичи, а также рыбы. К этому присоединялись пельмени – любимое блюдо сибиряков, пшеничный и ржаной хлеб, а также овощи и молочные продукты в неограниченном количестве. При развитии скотоводства и значительных посевах льна и пеньки, самодельная одежда сибирских старожилов также была несравненно лучше одежды крестьян Европейской России”*.

В июне Семёнов добрался до города Омска – административного центра Западносибирского генерал-губернаторства, в состав которого входили две громадные губернии – Тобольская и Томская, а также замыкавшие их с юга военной пограничной линией степные области – территория нынешнего Казахстана и Семипалатинская область.

Омск того времени, несмотря на его крупное административное значение, населяли всего шестнадцать тысяч жителей. Губернатором был просвещённый престарелый генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 года Густав Христианович Гасфорт. Он доброжелательно принял Семёнова и оказал ему всяческую поддержку. Местным властям предписывалось оказывать самое широкое содействие Петру Семёнову в его путешествии и исследованиях, выделять достаточный конвой для поездки в горы Заилийского края, а также посылать вслед за ним топографов для съёмок его маршрутов. Невольно отдаёшь дань мудрости тридцатилетнего Петра Семёнова, который, как показали дальнейшие события, своим поведением умел расположить к себе всех людей, с которыми сводила его судьба, от генерал-губернаторов, офицеров, местных султанов, ханов и баев до рядовых казаков, простых русских крестьян, кочевников-казахов и киргизов.

В Омске он познакомился с двумя талантливыми молодыми офицерами, недавно окончившими Омский кадетский корпус. Один из них, Григорий

Николаевич Потанин (1834–1920) – исследователь Сибири и Центральной Азии – был родом казак и, по словам Семёнова, человек любознательный, трудолюбивый, совершенно идеальной душевной чистоты и честности. Другим был Чокан Валиханов (1835–1865) – казах, родом из Средней орды, он был внуком последнего хана Валия и правнуком знаменитого Аблай-хана, потомка Чингисхана.

Немногом позже, обладая выдающимися способностями, Валиханов в Петербурге, под влиянием Семёнова, слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецким языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока и в особенности народов, соплеменных казахам. Из него вышел бы замечательный учёный, если бы смерть, вызванная чахоткой, не похитила его преждевременно на двадцать восьмом году жизни.

Чокан Валиханов явился первым исследователем, который записал, а затем перевёл на русский язык отдельные главы эпоса “Манас” и тем самым открыл широкой общественности и учёному миру величайший памятник киргизского устного творчества, насчитывающий полмиллиона строк. В июне 1858 года под видом купца он присоединился к каравану, направлявшемуся из Семипалатинска в Кашгар. По итогам экспедиции был написан отчёт “О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Наньлу (1858–1859)”. Труд этот был высоко оценён востоковедами России и вскоре переиздан на английском языке.

Интересно, что путь Чокана Валиханова повторил затем Лавр Корнилов (1870–1918), известный русский генерал, впоследствии лидер белогвардейского движения на юге России. Отец Корнилова был иртышским казаком, мать – крещёной казашкой из рода Аргын. По окончании Николаевской академии Генштаба капитан Корнилов, пользуясь своей азиатской внешностью и знанием шести восточных языков, в конце XIX – начале XX веков совершил разведывательные экспедиции в Персию, Афганистан, Кашгар, Китай и Индию. Его книга “Кашгария, или Восточный Туркестан” стала весомым вкладом в географию, этнографию, в военную и геополитическую науку, принесла автору заслуженный успех, была замечена британскими специалистами и, как и труды Валиханова, немедленно переиздана в Англии. Картографический материал “Военный отчёт по Кашгарии” 1907 года представляет собой планы городов и укреплений Восточного Туркестана.

... Седьмого июня Пётр Семёнов приехал в город Барнаул, расположенный на левом берегу Оби. Общество в Барнауле состояло из хорошо образованных и культурных горных и лесных инженеров и их семей. Широта познания горных инженеров Алтайского горного округа проявлялась в их знакомстве с научной и художественной литературой, а об их эстетических наклонностях свидетельствовало процветание Барнаульского любительского театра. Одним словом, Барнаул был в то время, бесспорно, самым культурным уголком Сибири, за что Семёнов прозвал его “сибирскими Афинами”. В начале августа Семёнов прибыл в Семипалатинск, где встретил самый предупредительный приём со стороны губернатора, генерал-майора Генерального штаба Панова. Адьютант Панова, у которого остановился Семёнов, приготовил сюрприз: совершенно неожиданно он представил ему у себя на квартире одетого в солдатскую шинель своего петербургского приятеля – Фёдора Михайловича Достоевского, находившегося в ссылке. Достоевский рассказал ему всё, что ему пришлось пережить. При этом он сообщил, что положение своё в Семипалатинске считает вполне сносным благодаря доброму отношению к нему не только своего прямого начальника, батальонного командира, но и всей семипалатинской администрации. Надо заметить, что в Сибири вообще к поднадзорным или находившимся уже на свободе ссыльным начальство в то время относилось благодушно.

Семёнов продолжил путешествие в направлении военного укрепления Верный (ныне город Алма-Аты). По пути, в районе пикета Карабулак, по берегам реки Каратал он ознакомился с оседлыми посёлками чолаказов. Под этим названием подразумевались русские – выходцы из Ташкента, которые основали оседлые поселения в степи, взяв в жёны казашек. Но в данном случае это были не выходцы из Ташкента, а беглые из Сибири русские ссыльнопоселенцы, долго прожившие в Ташкенте и, наконец, образовавшие в конце сороковых – пятидесятых годах земледельческую колонию под сенью легальной

русской земледельческой колонии. Посёлки эти состояли из тщательно выбранных мазанок с плоскими крышами и печами, приспособленными для зимнего проживания. Чолоказики обзавелись казахскими жёнами тем же путем, каким римляне – сабинянками: одних похитили с их согласия, других – с уплатой калыма. Казаки очень хвалили умелость чолоказиков не только в полевых работах, ирригации и скотоводстве, но и в садоводстве и строительстве.

Пётр Семёнов познакомился с 80-летним Чубар-муллой – главой одного из самовольно построенных посёлков. На его лице явно просматривались следы вытравленных клейм. Он рассказал Петру Семёнову свою историю, как сбежал из Сибири в Среднюю Азию. Поселившись в Ташкенте ещё в 1830-х годах, он нашёл там кусок хлеба, занимаясь земледелием, садоводством и вообще сельскохозяйственными работами. Невольно возникает мысль о том, что Ташкент всегда был хлебным городом.

У богатых ташкентских узбеков беглых русских работников было много, и они все знали друг друга. В 1842 году до них дошли слухи о том, что в Семиречье возникло цветущее русское земледельческое поселение Копал. Чубар-мулла, человек отважный и предприимчивый, много лет страдавший на чужбине от тоски по родине, решил привести в исполнение зародившееся в нём непреодолимое желание посмотреть на эту новую богатую окраину русской земли и, если возможно, поселиться в ней для того, чтобы, по крайней мере, умереть на родине. Он запасся тремя верблюдами, навьючил их ташкентским товаром – изюмом, шепталой (сушёными персиками), фисташками и ташкентскими тканями, беспрепятственно добрался до Семиречья, сбыв здесь с выгодой свой товар, запасся в Копале русским товаром, с которым вернулся в Ташкент. По дороге он встретил особенное гостеприимство и временный заработок у русских казаков на Каратале и, облюбовав совершенно свободные места, удобные для орошения и земледелия, решил поселиться вместе со своими земляками, товарищами-беглецами из России, под именем ташкентских выходцев – чолоказиков. По возвращении в Ташкент он собрал большой караван из нескольких десятков верблюдов и не меньшего числа чолоказиков с большим количеством ташкентских товаров, из коих самым ходким был изюм, так как из него копальские казаки курили водку. С тех пор русские чолоказики окончательно поселились на Каратале.

Во всё время своих путешествий Пётр Семёнов активно занимался ботанической и географической работой. Вот как он описывает один из бесчисленных эпизодов своей деятельности по пути в Верный:

“Двадцать седьмого августа я предпочёл взобраться на горный хребет Аламан. Притом главная вершина Аламана была так расположена, что вид с неё со всех сторон был самый обширный и для исследователя географии страны самый поучительный и простирался далеко за китайские пределы и за самую главную реку Семиречья – Или. Казахский султан Адамсарт вызвался проводить меня на вершину Аламана в сопровождении одного джигита, а я взял с собой из Коксуйского посёлка двух казаков. Пятнадцать вёрст мы сделали на прекрасных лошадях султана по дороге от Коксуйского пикета к Терсаканскому, а затем переехали вброд быструю реку Коктал и стали подниматься на Аламан. Дорога шла через скалистые ущелья вдоль ручья, падающего водопадом. Подъём занял четыре часа. Около полудня достигли мы вершины хребта у снеговой поляны, над которой круто возвышалась гряда сиенитовых скал колоссальной величины. Кругом – в полном цвету альпийская растительность алтайского типа. На вершине Аламанского хребта я провёл четыре часа за сбором растений, образцов горных пород и в производстве гипсометрических наблюдений. (Гипсометрия – отдел геодезии, занимающийся определением высот местности и отметкой на картах. – Прим. авт.).

В четыре часа пополудни мы начали спускаться с Аламана по другой, более прямой дороге, по крутым обрывам, мимо ужасных пропастей... Уже было совершенно темно, когда мы достигли своего спуска и направились к ночлегу в одном из аулов Адамсарта. Когда мы вошли в юрту, расположившуюся на лугу, то нашли там разостланными богатые ташкентские ковры, приготовленные для нашего ночлега. Скоро загорелся и приветливый огонёк посреди юрты, принадлежавшей, не султану, а богатейшему из жителей этого аула. Общество, окружавшее очаг, состояло, кроме прибывших со мной, из хозяина юрты, двух почётнейших жителей аула и двух чолоказиков. Султан совершил свою молитву, затем нам подали красивые бухарские медные

кумганы (рукомяники). Мы вымыли руки и принялись за ужин. Прежде всего, в больших фарфоровых пиалах нам подали кумыс, потом чай, а затем было подано обычное выражение гостеприимства – баранина.

После полуночи я был пробуждён страшной тревогой: слышались крики людей, отчаянный лай собак, ржанье лошадей, рёв быков и верблюдов. Возле юрты раздался выстрел и крики: “Аю!”, “Аю!”. Это был медведь, забравшийся в стадо овец. Испуганный выстрелом, медведь кинулся в бегство, похитив барана”.

Тридцатого августа вечером Пётр Семёнов подъезжал к Верному вдоль подгорья северного склона исполинского горного хребта протяжённостью более 450 километров – Заилийского Алатау, переходящего далее в Киргизское Ала-Тоо. Этот горный хребет, высотой от 3 до 5 тысяч метров, украшен вечными снежными вершинами.

Военное укрепление Верный в то время только строилось. Заилийский край являлся лучшим по климату и плодородию почвы уголком Западно-Сибирского губернаторства. На тот момент он был спорной территорией между российскими подданными: казаками Большой орды, киргизскими племенами правого крыла, китайскими подданными племени бугу и кокандскими подданными племени сарыбагыш. Отважные и предприимчивые казахские султаны Большой орды охотно вызвались быть первопроходцами в занятии оспариваемого у них киргизами подгорья, альпийские луга которого посещались ими с тех пор, как они почувствовали за собой твёрдый оплот русской колонизации Семиреченского края.

Генерал-губернатор Западной Сибири Густав Христианович Гасфорт осенью 1854 года из Омска послал за реку Или рекогносцировочный отряд, состоявший из одного батальона пехоты и трёх сотен казаков. Экспедиция завершилась успешно. Они нашли в семидесяти верстах от реки Или, у самого подножья Заилийского Алатау, при выходе из гор речки Алматы, прекрасное место для русского поселения, началом которому послужило основание укрепления Верное. Летом 1856 года войска и казаки окончательно водворились на месте и занялись рубкой леса в Алматинской долине для первых необходимых построек. А вот первая встреча русских переселенцев с киргизами, откочевавшими на юго-запад, была неприятной. В одну из ночей сильная киргизская барымта (разбойничья шайка) в пятнадцать верстах от Верного угнала табун русских лошадей, убив 12 охранявших их казаков, головы которых, с целью устрашения, были найдены на пиках.

Настоящая колонизация Верного семейными казаками и крестьянами началось весной 1857 года. Приставом Большой орды, а следовательно, и начальником всего Заилийского края был полковник Хоментовский Михаил Михайлович, успешный воспитанник Пажеского корпуса. За заслуги в освоении Семиречья, строительстве и благоустройстве Верного он был награждён орденами Св. Анны 2-й степени (1855) и Св. Владимира 4-й степени (1857). В 1862 году он назначается командиром лейб-драгунского Ее Величества полка. Позднее П. П. Семёнов Тянь-Шанский писал: “Образованный полковник Хоментовский при своих дарованиях был выдающимся человеком”. Петра Семёнова он встретил очень приветливо, они быстро сошлись на лагерных Петергофских воспоминаниях.

Дальнейший путь Петра Семёнова лежал в сторону западной оконечности Иссык-Куля. Это была предварительная, разведочная экспедиция. На восточной оконечности озера было неспокойно. Вследствие продолжительной и кровавой распри между двумя соседними племенами сарыбагыш и бугу можно было наткнуться на многочисленные блуждающие конные барымты той или иной стороны.

Небольшая экспедиция была снаряжена в два дня. В своё распоряжение Пётр Семёнов получил десять казаков, двух казахов – проводников, трёх вьючных лошадей и верблюдов. Опуская все подробности интересного пути, остановимся на том, что восьмого сентября перед Петром Семёновым открылся замечательный вид на Иссык-Куль. С юга синяя гладь озера была замкнута непрерывной цепью снежных вершин Терской-Алатау, стоявшего крутой стеной. Снежные вершины, которыми он был увенчан, образовали нигде не прерывающуюся гряду, а так как основания их за дальностью скрывались за горизонтом, то снежные вершины казались выходящими прямо из тёмно-синих вод.

Для справки: по размеру Иссык-Куль (Тёплое озеро) – второе озеро на планете после Каспийского моря. Его длина 180 км, ширина – до 70 км, глубина – до 670 метров.

На следующий день экспедиция спустилась к озеру. Вот как описывает свою первую встречу с Иссык-Кулем Пётр Семёнов: “Вода озера на вид была прекрасна по своей прозрачности и светло-голубому цвету, но она была солоната и не пригодна для питья. На западе озеро казалось беспредельным. На северной стороне виднелись красивые бухты. Островов на озере не было. Мы дошли до Иссык-Куля в 4 часа пополудни и охотно остались бы здесь до следующего дня, но ночевать на берегу озера было бы слишком опасно. О приходе нашем на Иссык-Куль могли уже знать киргизы, утром мы уже видели издали одного всадника. Всякая барымта заметила бы наши огни. Поэтому решено было не оставаться здесь на ночлег, а направиться к прежней стоянке и затем вернуться в Верный”.

Шестнадцатого сентября экспедиция благополучно вернулась в Верный. Хоментовский очень обрадовался возвращению Петра Семёнова, тем более, что в его отсутствие произошли важные события. Отношения на юго-западе с соседним киргизским племенем сарыбагышей были натянутыми, они продолжали свои хищнические набеги на ещё недостаточно прочно укрепленный Заилийский край. В особенности вывело из себя Хоментовского разграбление русского торгового каравана неподалёку от Верного, шедшего в Ташкент, а также непрекращающаяся киргизская барымта, направленная против российских подданных – казахов Большой орды.

Отважный Хоментовский быстро решил дать адекватный ответ. Он предпринял поход на сарыбагышевские аулы в Чуйской долине с целью “расчистить” их, то есть отнять у них табуны и стада для компенсации казахских убытков. Отряд Хоментовского состоял из трёх сотен казаков, одной роты пехоты, посаженной на лошадей, и казахов. Он благополучно спустился в долину реки Чу, ниже кокандского укрепления Токмак. Здесь, на кочевьях, он застал киргизов, разгромил их аулы, овладел их табунами и стадами и отправился в обратный путь. Киргизы, вначале бежавшие, собрались в огромном количестве и бросались в атаку на растянувшийся отряд Хоментовского, при этом раненые, попавшие им под руку, были изрублены на куски. В ответ пушки и огонь казаков нанесли разбойникам сарыбагышам большие потери. Потери отряда, вместе с тяжелоранеными, составили 17 человек. Этот молниеносный поход Хоментовского произвёл очень сильное впечатление на сарыбагышей, но так и не изменил их разбойничью натуру.

Для Петра Семёнова главной целью экспедиции на Иссык-Куль было установить существующее соотношение между озером и рекой Чу на западной оконечности Иссык-Куля. Не откладывая, он решил на экспедицию теперь уже по Боомскому ущелью и протекавшей по нему реке Чу на западную оконечность Иссык-Куля.

Каким же надо было обладать мужеством, чтобы решиться на этот поход по горячим следам Хоментовского, по почти бездорожному Боомскому ущелью, в котором можно было встретиться с озлобленными врагами, хотя большая часть из них, как оказалось, поспешно откочевала на Иссык-Куль.

Двадцать первого сентября экспедиция в составе 90 казаков, двух казахов-проводников и 20 вьючных лошадей двинулась в путь вдоль подножья Заилийского Алатау. Проехали вёрст сорок, как вдруг вдали послышались отчаянные крики, взывавшие о помощи, – киргизская барымта грабила небольшой узбекский караван, который шёл в Верный. Когда казаки прискакали на помощь каравану, сарыбагыши успели сбежать. Погоня была безуспешной.

Двадцать шестого сентября вечером экспедиция Петра Семёнова без приключений вошла в дикое Боомское ущелье. Об этом он писал: “Когда мы вошли в ущелье, оно довольно скоро сузилось так, что по правому берегу Чу, на котором мы находились, следовать было невозможно, потому что каменные утёсы громадной высоты опускались в реку совершенно отвесно. Мы вынуждены были перейти вброд бурное течение реки на левый берег, но затем такое же препятствие заставило нас перейти опять на правый берег. Движение вперёд было до крайности затруднено тем, что наша тропинка не могла следовать непрерывно вдоль берега Чу, приходилось подниматься на боковые стены этого каменного коридора, по опасным тропинкам, обходящим сверху отвесные обрывы. Мы совершали эти обходы пешком, ведя в поводу своих

лошадей, развивочивая вычюных лошадей и переноса выюки на руках. Кое-где вместо этих обходов мы шли вброд у подошвы обрыва, против бурного течения реки, с ежеминутной опасностью для каждого из нас быть снесённым её бешеным течением". Таким было Боомское ущелье и река Чу в 1857 году.

В своё время я был приятно удивлён тем, насколько точную характеристику реке Чу дал россиянин, поэт Степан Щипачёв в своём одноимённом стихотворении:

*В Киргизии, где скалы стоят плечом к плечу,
Несётся голубая вся вспененная Чу.
В камнях сырых ущелий, как снег, её оскал,
Она в песок стирает косые рёбра скал.
Но не могла пробиться всей яростью струи
Ни к морю за барханы, ни к водам Сырдарьи.
Она сильна, и горы за нею высоки,
Но выпивают силу сыпучие пески.*

Да, такова печальная участь реки Чу, которая лишь в стародавние времена впадала в Сырдарью. Мне приходилось бывать в низовьях Чу – там отменная рыбалка. Сейчас, среди песков и саксаула, поток воды превращается в небольшие озёра, заросшие камышом. Кстати, такая же судьба постигла реки Зеравшан, Каршидарья, Теджен, Мургаб, впадавшие когда-то в Амударью, причина тому – изменение климата и хозяйственная деятельность человека. Даже некогда могучие реки – Сырдарья и Амударья, – разобранные на полив, не впадают в Аральское море, поэтому оно превратилось в солончаковое блюдо среди песков...

Однако вернёмся к Петру Семёнову – его положение было непростым. В одной из тесных котловин экспедиция была вынуждена заночевать. На вершинах ущелья были выставлены казачьи пикеты, так как киргизы могли бы истребить отряд, сбрасывая вниз обломки скал, нависавшие над ущельем. Пётр Семёнов признаётся: *"Я напрасно старался уснуть в своей палатке под шум водопадов, образуемых Чу. Ночь, проведённая мной в Боомском ущелье, была едва ли не самой тревожной в моей жизни. На мне лежала ответственность за жизнь почти сотни людей и за успех всего предприятия"*.

На следующее утро несколько часов пути были столь же затруднительными, как и накануне, но затем стены ущелья стали раздвигаться, и оно превратилось в долину с более мягкими склонами. Всем встречным киргизам переводчики внушали мысль о том, что русские не имеют никаких враждебных намерений, а едут в гости к главному манапу сарыбагышей – Умбет-алы, которому представитель из самого Петербурга хочет быть тамыром (другом).

Подъезжая к Иссык-Кулю, отряд очутился среди несметной массы киргизских табунов и стад – пришлось расчищать дорогу среди животных. А далее всё пространство между рекой Чу и берегом Иссык-Куля было занято бесчисленным количеством юрт.

Если остановиться на этом месте повествования Петра Семёнова, то невольно приходишь к мысли – как же изменился климат! Сейчас здесь не прокормить "несметные табуны и стада". Эта местность, вместе с предгорьями на восток, вдоль озера километров на 30–40, представляет собой полупустыню, которая вместе с городом Рыбачье, периодически, как в аэродинамической трубе, продувается уланом (так называется местный ветер).

В ауле уже знали о приближении отряда. Почти всё племя сарыбагышей собралось возле аула Умбет-алы на печальную тризну по поводу гибели соплеменников в стычке с Хоментовским. Петру Семёнову была приготовлена прекрасная юрта. Когда он уселся на богатые ковры, в юрту вошли брат, дядя манапа и другие почётные лица. Они сообщили, что Умбет-алы нет, но они уполномочены вести переговоры.

Пётр Семёнов заявил им, что приехал издалека, из столицы России, посмотреть, как живут русские переселенцы на далёкой границе, и только тут узнал о происшедшем столкновении. Он заявил, что, по его мнению, между русскими и киргизами должны установиться добрососедские отношения и что вести барымты против русских и их подданных – казахов Большой орды, – так легко могущие перейти в войну, соседям не следует. Он сказал, что русские

первыми никогда не нападали и не нападут на киргизов. Вот почему он приехал к Умбет-алы с целью стать его тамыром (другом) и просил передать ему подарки.

День прошёл в разговорах и угощениях. Семейство Умбет-алы одарило гостя тремя прекрасными конями, таким образом, по киргизскому обычаю, Умбет-алы стал тамыром Петра Семёнова.

Далее он вспоминает: «На другой день, 27 сентября, я поднялся в пять часов утра и выехал из аула в сопровождении моего переводчика, казака и двух сарыбагышевских проводников. Мне не терпелось достигнуть одной из главных целей моего посещения западной оконечности Иссык-Куля, а именно уяснения гидрографических отношений между озером, рекой Чу, и речкой Кутемалды, о которой уже знал Гумбольдт по сведениям, собранным им в 1829 году в Семипалатинске от бухарских и ташкентских купцов. Во время моего пребывания в Берлине (1853 г<од>) географы полагали, что озеро Иссык-Куль имело сток, но этим стоком одни считали реку Чу, а другие, по распространённым Гумбольдтом сведениям, речку Кутемалды... Мы доехали в то место, где река Чу, текущая по иссык-кульскому плоскогорью с юга на север, круто меняет своё направление в западное и вторгается в Боомское ущелье...

Я доехал до устья речки и, повернув по берегу озера, вернулся в аул Умбет-Алы, вполне убедившись, что озеро Иссык-Куль стока не имеет и что оно в настоящее время не питает реку Чу. Мощная река эта образуется из двух главных ветвей: Кочкора, берущего начало в вечных снегах Тянь-Шаня, и Кебина, текущего из вечных снегов из продольной долины Заилийского Алатау. Само собой разумеется, что если бы представить себе уровень озера, повысившегося всего только от 15 до 20 метров, то река Чу сделалась бы стоком Иссык-Куля; но было ли это когда-нибудь, я отложил всякие размышления по этому поводу до поездки в бассейн озера в следующем, 1857 году. Главная цель моя была достигнута, а безопасность вверенных мне людей требовала неотложного возвращения в Верный».

Давно уже нет следов речки Кутемалды, хотя 60 лет назад это «болотистое место» ещё существовало. Мы, подростки, наивно связывали его с бытовавшей тогда легендой о том, что во время революции «басмачи» (мусульманские отряды противников советской власти) пытались прорыть перемычку между Иссык-Кулем и рекой Чу, спустить озеро в Чуйскую долину и затопить Пишпек (в дальнейшем Фрунзе и Бишкек), Токмак и другие населённые пункты Чуйской долины.

Термин «мощная река Чу» тоже не соответствует действительности – сток рек Кочкора и Кемина уже далеко не тот. Помелело и озеро Иссык-Куль – вода рек и ручьёв, питающих его, разбирается на полив. Я помню своё пребывание в пионерском лагере геологов на северном берегу Иссык-Куля в начале 50-х годов. Неподдалёку от берега находился небольшой островок, на который мы плавали на лодках. Глубина озера в том месте была около метра. Сейчас к острову ведёт прогулочная аллея, потребовавшая минимальных усилий для её отсыпки.

Вернувшись в аул, Пётр Семёнов поднял свой отряд и, дружески распростившись с гостеприимными тамырами, выехал в обратный путь, «в Россию», как говорили казаки. Поднявшись на южную цепь Заилийского Алатау, путешественник на прощанье с восторгом любовался дивной красотой озера и поднимавшегося за озером высокого снежного хребта. Первого октября экспедиция благополучно вернулась в Верный.

Зиму 1856–1857 года Пётр Семёнов провёл в гостеприимном Барнауле, работая над разборкой богатых ботанических и геологических коллекций. В конце апреля 1857 года он вместе с художником Кошаровым отправился во второе своё путешествие в Тянь-Шань. Четырнадцатого мая он прибыл в Верный.

В это время положение на Иссык-Куле было следующим. Война между племенами сарыбагыш и бугу была в самом разгаре. Номинальные подданные Китая – бугунцы, – вытесненные кокандскими подданными – сарыбагышами – из всего бассейна Иссык-Куля, стремились вернуть себе принадлежавшую им восточную половину иссык-кульского бассейна, а потому решили вступить в переговоры с приставом казахской Большой орды о принятии их в русское подданство, обуславливая это подданство оказанием им немедленной помощи от врагов, их одолевавших. По отношению к киргизам это было началом того процесса, через который прошла впоследствии вся Казахская степь.

В Верном предоставить помощь бугунцам решено было следующим образом: в экспедиции Петра Семёнова, состоящей из полусотни казаков, присовокупить ополчение казахов из 1500 всадников султана Большой орды Тезека, к которому ранее уже обращались бугунцы за помощью. Такая комбинация к тому же обеспечивала цель Петра Семенова проникнуть вглубь Тянь-Шаня.

Из Верного экспедиция в составе 58 человек, 12 верблюдов, 70 лошадей, в сопровождении отряда Тезека отправилась в путь 29 мая. Седьмого июня экспедиция достигла кочевий бугунского манапа Буранбая, который встретил Петра Семёнова необыкновенно приветливо. Радость Буранбая по поводу прибытия русской помощи объяснялась его критическим положением, так как вся бывшая ранее в его владении восточная половина бассейна озера была для него потеряна. Да к тому же, как известно, беда не ходит в одиночку. В конце 1856 года сарыбагыши захватили в плен одну из его жён и жён трёх его сыновей. А чуть ранее один из бугунских родов — кыдык с бием Самкала во главе, состоявшим к Буранбаю в таких же отношениях, как в Древней Руси удельные князья к Великим, к своему несчастью рассорился с главным манапом. Отделившись от него, Самкала легкомысленно решил откочевать со своим родом численностью в 3000 человек за Тянь-Шань, через Заукинский горный проход. Сарыбагыши, занимавшие всё южное побережье Иссык-Куля, коварно пропустили мятежных кыдыков на Заукинский горный проход. Но когда те со своими стадами и табунами поднимались на перевал, они напали на них с двух сторон: с тыла от озера Иссык-Куль — воины Умбет-алы, а спереди, от верховий реки Нарын — воины Тюрегельды. Кыдыки были разгромлены в этом бою. Большинство погибло, часть попала в плен, стада и табуны их были захвачены.

Слух о появлении сильного русского отряда у подножья Тянь-Шаня, пришедшего на защиту бугунских владений, облетел, как молния, весь иссык-кульский бассейн. Распространившиеся слухи с преувеличением численности и вооружения русских произвели магическое действие. Сарыбагыши быстро снялись с завоеванных у бугунцев земель на обоих побережьях озера и бежали на западную оконечность озера и дальше, на реки Чу и Талас. Таким образом, выполнив без единого выстрела политическую миссию, Пётр Семёнов получил полную возможность осуществить своё намерение проникнуть вглубь Тянь-Шаня.

Для охраны Буранбая остался Тезек со своим войском, а дальнейший путь вместе с Петром Семёновым продолжали 49 казаков, художник Кошаров, 12 киргизских проводников, вожаки верблюдов и 63 верховых лошади. Маршрут экспедиции лежал по южному берегу Иссык-Куля, во внутренний Тянь-Шань до истоков Нарына и на Кунгей-Алатау. Путешественник вспоминает: *“Одиннадцатого июня мы перешли Джеты-Огуз и стали подниматься на седловидное предгорье, отделявшее главный хребет Тянь-Шаня от передовой его цепи”*.

И снова памятные для меня места. Джеты-Огуз, в переводе “Семь быков”, — это живописное горное ущелье с водопадами, протяжённостью более 30 километров, в начале которого высятся семь крутых, высоких надолбов из красного песчаника. По пути к Заукинскому горному проходу Пётр Семёнов попал в урочище Кызыл-Джар, что в переводе означает “Красный яр”. Как исторический памятник это урочище было известно уже в VII веке нашей эры. В 630 году сюда проник первый путешественник-очевидец, доставивший географические сведения о Тянь-Шане и Иссык-Куле. Это был Сюаньцзан, буддийский паломник, попавший сюда из Ак-Су, одного из городов Семиградья, расположенного на юг от Тянь-Шаня. Путь паломника шёл через Тянь-Шань на южное побережье Иссык-Куля, выходил с западной оконечности на реку Чу, пройдя через Боомское ущелье, достиг верховий реки Талас и страны “Тысячи источников” — Минбулак. В этой стране находился Суяб — ставка тюркского хана. Через столетие, в 748 году, Суяб был разрушен китайцами, а через 18 лет был занят харлуками — народом тюркского племени, — которые, как и другие их соплеменники тукюк и киргизы, вышли с Южного Алтая и верхнего Енисея. Племя джикиль, отделившись от харлуков, основало на Тянь-Шане свою резиденцию Джар (Яр). Понятно, как дорожил престарелый манап Буранбай — потомок джикильских каганов — местностью Кызыл-Джар. Пётр Семёнов возвращал ему родину, бывшую достоянием его предков более тысячи лет, а также чудные пастбища верховьев Нарына (Яксарта) и Небесного

хребта, захватившие сарыбагышны. Вот почему старый манап считал русскую экспедицию своим собственным делом и поддерживал её самым энергичным образом.

По мнению Петра Семёнова, всё пространство между Тянь-Шанем и Заилийским Алатау, далее оба берега Иссык-Куля, а затем течения рек Чу и Таласа служили самыми торными путями из внутренней нагорной Азии. Китайские летописи уже во II веке до нашей эры повествуют о кочевых народах на северо-западной оконечности Срединной (Китайской) империи. Самыми могущественными и опасными для Китая были гунны, обитавшие здесь с подчинёнными им племенами — тёмными, монгольского типа юэджисцами и голу-боглазыми и русыми усунями.

Мужественные усунь владели бассейном Иссык-Куля в течение пяти веков (II век до н. э. — III век н. э.), их было более 120000 семейств. В дальнейшем, в результате бесконечных войн мужчины гибли, покинув театр военных действий, а женщины ассимилировались тюркскими народами. Очевидно, что признаки усуней следует искать среди киргизов и казахов. Кстати, я сам тому свидетель: среди киргизов встречаются рыжеволосые и светлокожие люди.

Окончив обзор местности Кызыл-Джар, отряд спустился к Иссык-Кулю, к красивой бухте, куда впадала река Кызыл-су. Погода стояла жаркая, и все кинулись купаться. Бухта поразила путешественников обилием рыбы. Огромные сазаны плескались на поверхности в зарослях водных растений. Казаки шашками рубили рыбу, так что через два часа этот импровизированный способ ловли дал 11 пудов рыбы, из которой была сварена уха на весь отряд, а часть рыбы засолили.

Затем путешествие продолжилось. Восемнадцатого июня во время подъёма в горы по долине Шаты Пётр Семёнов увидел, что два проводника, ехавшие впереди, вдруг резко повернули назад, предупреждая об опасности. Семёнов, напротив, пришпорил коня и с 15 казаками поскакал навстречу и вскоре ворвался в сарыбагышевскую барымту, преследовавшую проводников. Врагов было человек тридцать. Те тут же соскочили с коней и легли на землю. Таким образом, совершенно неожиданно, у него оказались пленные. Пётр Семёнов объявил, что не имеет против них враждебных намерений, отпускает их с условием, что впредь они не пойдут на барымту против бугунцев. Двух заложников он оставил у себя, пообещав отпустить их на обратном пути.

Двадцатого июня отряд вернулся в аул Буранбая, который приготовил радужную встречу. Он вновь вернулся к теме принятия его в русское подданство со всем племенем и его владениями, куда входила восточная половина бассейна озера Иссык-Куль, всё северное подгорье Тянь-Шаня до восточных снегов Небесного хребта с вершиной Хан-Тенгри, которая была одной из главных целей экспедиции 1857 года. Вторая просьба Буранбая состояла в том, чтобы Пётр Семёнов обратился с письменной просьбой к Умбет-алы вернуть всех пленниц его семейства. Пётр Петрович немедленно написал письмо и отправил его с двумя отпущенными заложниками. Забегая вперёд, следует отметить, что Умбет-алы возвратил пленниц в распоряжение Петра Семёнова и тот вернул их Буранбаю.

Через три дня подготовка экспедиции к Хан-Тенгри была закончена. В её состав входили 6 проводников и казаки при 70 свежих лошадях и 10 верблюдах. Двадцать четвёртого июля экспедиция вышла из аула Буранбая и к вечеру достигла аула знатного бугунца Балдысана. Балдысан оказал очень радужный приём. По своей природе он был киргизским сибаритом. Мирнолюбивый, он ценил спокойствие и не принимал участия в кровавой расправе бугунцев с сарыбагышами. Наклонности его были артистические. Он страстно любил музыку и среди киргизов считался самым лучшим музыкантом, отлично играл на комузе, охотно слушал песни народных сказителей и импровизаторов, иногда проводя за этим занятием целые ночи.

С особенным удовольствием в честь путешественника Балдысан играл на комузе. Кроме того, он пригласил сказителей былин, которые, по словам Петра Семёнова, очень монотонно декламировали под комуз. От себя добавлю, что Пётр Семёнов наверняка первым из европейцев слушал монологи из ставшего позднее широко известным эпоса “Манас”. Именно в такой манере, с разной степенью интонации в голосе в зависимости от сюжета, мансчи исполняют это произведение, отрывки из которого я с детства слышал по радио, телевидению и на концертах. Затем импровизаторы пели для него песни,

в которых, по свидетельству переводчиков из казаков, прославляли поездки Петра Семёнова на побережье Иссык-Куля и к истокам Нарына, заставившие сарыбагышей бежать с земель бугунцев.

Двадцать шестого июня, когда экспедиция по реке Кок-Джар достигла вершины горного прохода, Пётр Семёнов был поражён неожиданным зрелищем. Прямо на юге перед ним возвышался самый величественный из когда-либо виденных им горных хребтов. Вся горная группа Тенгри-Тага (“Хребет духов”) была видна на всём своём величественном протяжении. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов, которых было не менее тридцати. Небо было совершенно безоблачно, и только на Хан-Тенгри (“Царь духов”) заметна была небольшая тучка, лёгким венцом окружавшая ослепительную в своей белизне горную пирамиду немного ниже её вершины.

Внизу, у подошвы хребта, протекала река Сары-Джаз. К удивлению Петра Семёнова, она брала своё начало не на южной (китайской), а на северной (киргизской) стороне Тянь-Шаня, а затем, обогнув Тенгри-Таг, прорывалась через Тянь-Шань и выходила на южную сторону в китайский Туркестан (Кашгарию).

Четыре дня Семёнов занимался в этом районе ботаническими и геологическими исследованиями. В долине Сары-Джаза он встретил и подтвердил существование полусказочных кочкаров — снежных баранов. Эта порода колоссальных горных баранов весом до 200 килограммов впервые была описана знаменитым путешественником венецианцем Марко Поло. Соотечественники не поверили ему, и только в первой половине XIX века английский путешественник лейтенант Вуд, проникший на Памир, нашёл там черепа с рогами, в точности соответствующие описанным Марко Поло. Однако этих животных зоологи причислили к числу полностью вымерших в историческое время, но, как оказалось, это было не так.

Второго июля экспедиция вернулась к кочевьям Буранбая. Во время трёхдневного отдыха Пётр Семёнов задумал новое путешествие вглубь Тянь-Шаня. Ознакомившись с двумя путями, ведущими через Тянь-Шань в Кашгарию, а именно: первый — через перевал Зауку в верховьях Нарына и второй — на Сары-Джаз и Куйлю, — он решил исследовать и третий, лежащий всецело в китайских пределах, а именно Мусартский горный проход.

Шестого июля в сопровождении 30 казаков он вышел в путь. Однако всё пошло не так. Девятого июля весь “в пене и пыли” их догнал гонец от султана Тезека с известием, которое изменило все планы. Оказалось, что Тезек, вероломно захваченный одним из младших казахских султанов Большой орды Тарыбеком, лежит скованный у него в плену и рискует ежечасно быть убитым или выданным его врагам сарыбагышам.

И здесь вновь проявились благородные качества Петра Семёнова, который, не задумываясь, вернулся к Буранбаю, пересел на свежих лошадей и в сопровождении 40 казаков, 200 атбанцев под началом верного Тезеку Атамкула и 800 бугунских всадников под началом сына Буранбая Эмирзака поспешил на помощь Тезеку — своему другу и союзнику. Путь в 130 верст головной отряд с двумя запасными осёдланными лошадьми прошёл за 7 часов с одной получасовой остановкой. После прибытия на место выяснилось, что Тезек бежал ночью с одним из своих всадников и был уже в безопасности, а Тарыбек ушёл в горы, как только узнал о приближении отряда Петра Семёнова. Впрочем, Тарыбека вскоре задержали. В свойственной ему манере Пётр Семёнов настоятельно убедил его поехать к Тезеку просить прощения и помириться, что и было сделано.

На этом путешествии в Тянь-Шань было завершено. Двадцать девятого июля Пётр Семёнов вернулся в Верный, где его с товарищами ожидала самая радушная встреча. Почти всё население города со всем начальством во главе, предупреждённое накануне о возвращении экспедиции Русского географического общества, собралось на площади. Расспросам лиц, наиболее сознательно относившихся к будущему Заилийского края, не было конца. Казаки, потомки сподвижников Ермака, признавали экспедицию своей, так как она возбуждала в них живые воспоминания о подвигах их предков при занятии Сибири в XVI и XVII веках.

Полковник Перемышльский, с природным ему здравым умом и знанием быта кочевников, очень хорошо понял, что и враждебные сарыбагыши, поставленные между двух огней — между киргизами, охраняемыми от набегов

русскими властями, и никем не обузданным сильным Кокандским ханством, — очень скоро последуют примеру бугунцев и пожелают войти в русское подданство.

15 ноября 1857 года Пётр Семёнов через Семипалатинск и Омск вернулся в Петербург. Таким образом, Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский первым из европейцев проник вглубь загадочной для его современников горной страны Тянь-Шань. Он начертил схему хребтов Тянь-Шаня, исследовал озеро Иссык-Куль, открыл верховья Нарына (Сырдарьи), увидел горную группу Тенгри-Таг и величественную пирамиду Хан-Тенгри, достиг ледников, берущих начало в группе Тенгри-Таг. Исследователь установил отсутствие на Тянь-Шане современного вулканизма, который предполагался Гумбольдтом, установил вертикальные природные пояса Тянь-Шаня, открыл десятки новых, неизвестных науке растений.

Экспедиция вглубь Тянь-Шаня была осуществлена Петром Семёновым практически без согласования с высокими российскими властями, при помощи его единомышленников в Русском географическом обществе и в администрации Туркестана по принципу “Veni, vidi, vici” — “Пришёл, увидел, победил”, а победителей, как известно, не судят.